

Прошли первые сутки пути. Ночлег был окончен. Лошадиные копыта подняли пыль дороги, вновь заскрипели колёса, и бодрые и сытые, согревшиеся у огня люди отправлялись в дальнейший путь. Уже месяц, как они ползли в направлении лучшей жизни. Медленно, неторопливо, размеренно... За два дня проделывая тот путь, что можно было проделать всего за один.

До Инокополиса им идти оставалось ещё от пяти, до шести дней. Но путь их на этом ещё не завершался, а потому - куда им было бить ноги, спешить? Иди себе тихо, да отдыхай. Получай удовольствие от свежего воздуха. А кому-то за это ещё и заплатить должны были.

Но Барри не знал покоя. Ему было обидно. Он плёлся по земле, выслушивая возвышенную, но пустозвонную болтовню Брилла и ватаги старейшин о том, какие у них планы на будущее. Что они планировали основать целую деревню, и сделать так, чтобы жизнь там была - ну прямо малиной, чтобы люди жили по совести, ни у кого на дверях замков не было, чтоб улыбались друг другу и в гости ходили. И будет у них суший рай на земле, как в старину, когда всё было лучше, чем сейчас.

Жрица всё это внимательно выслушивала, а в голове её уже крутились мысли о том, что если эти люди собираются начать жизнь с нуля, то непременно построят себе какую-нибудь церквушку, и следовательно, вставал вопрос: а есть ли среди них здесь жрецы? И если нет, то... Конечно же, её религия им не подходила, но есть у неё знакомые и из других конфессий, которые будут рады получить себе новых последователей. И будут ей за это благодарны.

- А позвольте поинтересоваться, вы же исповедуете какую-то религию?

- Да кто же знает сейчас? Мы, вроде как, Айисовы были, да вот... сама знаешь? Ты же тоже его будешь?

- Я? Да нет уж, Айис - мёртв, а его адепты лишены сил и влачат жалкое, безбожное существование. Я - Проводница по Белому Мосту!

- Это тот, по которому мертвецов уводят? - Сделал предположение седой старик.

- Нет. Белый Мост - это есть метафора для обозначения пути к духовному совершенствованию, по которому мы шаг за шагом идём к осознанию своего подлинного «Я» и избавлению от пороков, которые не дают нам полностью раскрыть свою суть и достигнуть тех высот духа, которые уготованы нам от рождения.

- Аааа... - Затянули старейшины, как болванчики кивая головами. - Как всё... умно-то? А можно как-то попонятнее?

- К сожалению, наша религия не совсем подходит для широких масс. Здесь нужен индивидуальный подход, чтобы указать, каким путём нужно идти.

И финансы. Конечно же, финансы тоже были нужны. Потому что индивидуальный подход стоит денег. Но эту информацию принято разглашать не сразу.

- Но я могу дать вам несколько советов. Вы слышали про... Скабодана? Его почитатели так же проповедуют идеалы доброты и сострадания, помогают страждущим, исцеляют болезни и живут в гармонии с природой.

Как главный недостаток - пропагандируют немного чрезмерное целомудрие...

- Это те, что яйца себе режут?

- Да. - Коротко ответила Брилли, чтобы не вдаваться в подробности.

- Не, спасибо, не надо нам такого.

- Что насчёт Старого Зодчего или Пяти Колосьев? Покровительство высокой урожайности злаковых, единственное значимое ограничение - запрет на употребление мяса.

- Да ладно, не нужно беспокоиться, мы уж как-нибудь Айису часовенку поставим, что же там, метаться теперь...

- А в чём смысл? Ваши молитвы даже никто не услышит.

На "Пять слов" у неё выхода не было, но те всё равно слишком жёсткие ребята будут. Хранитель знаний Абарэт-хзон вряд ли будет интересен этим людям, а Этстаз не очень благоволил работе и его последователи обычно сидят у костра и поют песни. Ну, и сношаются.

- Вера - это же не только чудеса и и пламеннокрылые создания, спускающиеся с небес? Это что-то больше, это то, как ты живёшь, все твои стремления, видение будущего, идеалы. Насколько нам нужно, чтобы кто-то слышал наши молитвы, чтобы просто жить по совести?

Остальные вторили ему, кивая головами, но Брилли без удовольствия скривила губы. Есть ещё люди, что так и не перестали развешивать по стенам Айисовы глаза. Ничем, кроме как боязнью перемен, она это назвать не могла.

- Эй, Брилли! А что с Шаос делать будем? Что ей там тащиться? Скучно же!

Подал уж голос Барри, которому не интересны были все эти разговоры, и лица старейшин резко переменились, из задумчивых и рассудительных сразу став кислыми и уставшими.

- Она - проститутка!

- Она наших детишек плохому научит!

- В нашей деревне ни одному рогатому рады не будут, я клянусь! Это будет нашим правилом, законом! Нет рогатым - и всё!

Иначе говоря, они всё ещё на неё злились. Настолько, что теперь в их деревне без замков, с дружными соседями и идеалами любви и сострадания будет запрещено находиться представителям этой расы. И всё – стараниями одной не слишком умной девчонки, не умеющей читать свою аудиторию. Даже Бриль не была настроена против её возвращения... Но, увы и ах, мнением большинства... и если это ещё и могло каким-то образом заставить её хоть немного поумнеть!..

Быть волчицей ей надоело. Земля холодная, чтобы на ней спать, идти – ноги устают. Скучно. Ещё и у единственного «друга» оказались странные наклонности. И потому ночью, не раз проснувшись от того, что её голову опять топтали, она вконец от этого всего устала и пошла искать, где бы ей можно было улечься так, чтоб было помягче, а в жопу не впивались какие-нибудь грабли или тляпка. И что же могло быть лучше, чем телега, до бортов полная текстиля, будь то наволочки, одеяла или чьи-то портки? У Шаос даже дух перехватило, когда она висела на борту, перекинув через него ногу, а рука касалась столь божественной мягкости...

Приподнимая голову, на неё уставился какой-то мужик. Он так же, как и она, испугался, когда увидел, что его тут нашли, и спрятал под собой пустую бутылку с тем напитком, употребление которого односельчанами не почиталось. Они уставились друг на друга на несколько особенно долгих мгновений... пока мужчина, пожав плечами, не улёгся обратно. Знал он, кто она такая. Бегала тут вчера весь день, с каким-то псом, чуть под колёса не попала пару раз. И чем-то всех из себя вывела. Пусть ложится, он не был против. И тогда она перевалилась вовнутрь, чтобы свернуться у борта в калачик и уснуть-таки уже, наконец.

Хвост был высоко задран, а кончик его покачивался из стороны в сторону. Она была довольна. Довольна тем, что когда проснулась, то телега уже тронулась, а её не то, что не согнали, её даже не стали будить. И потому стояла она сейчас на коленях, опираясь о борт локтями и предоставляя извозчику лучшие ракурсы её хоббитского тела. И в то же время, смотрела в зеркальце. С одной стороны, ей не нравилось то, что за ночь её зрачки подёрнуло лёгким лиловым отливом, но с другой - в нём же она видела, что извозчик то и дело, но косится на неё. Это было приятно. И потому Шаос переминалась на коленях так, чтобы ноги её оказались расставлены пошире...

Вёз её тот самый мужчина, что позволил ей здесь заночевать. Обычный такой худощавый выпивоха с не заладившейся семейной жизнью. Он был немногословен, но Шаос это даже нравилось, и она тоже не лезла к нему с вопросами. Сейчас она чувствовала себя прибившейся к нему кошкой, томной, но не дающейся в руки... Да...

Буквально утопая в тепле, девушка тяжело сглотнула слюну от осознания, что на неё снова пялятся... Что аж глаза заслезились от этого... Но телега дёрнулась на кочке, из-за чего локти её соскользнули - и с клацающим звуком, чудом, что язык не прикусив, она приложилась челюстью о деревянный борт телеги. И пусть извозчик залился смехом, она и сама не обиделась: тоже улыбнулась, но теперь просто свесила руки, уже без всякого изящества и волнующих поз, и стала в самом тупом смысле ждать, наблюдая за тем, как медленно ползёт горизонт.

И всё же, она хотела себя чувствовать человеком. Не волчицей или кошкой, а прежней, обычной Шаос, без этой пелены перед глазами, чтобы жар унялся, а бельё уже через час само по себе не становилось влажным наощупь. Как назло, и леденцы у неё все закончились, кроме одного - но тот был на чёрный день. Поэтому, когда её пришёл навестить Барри, этот добрый, наивный парень... единственный, кто не бросил её здесь одну - она всё же спросила, можно ли ей вернуться.

Но ответ её ждал разочаровывающий.

- Я же в вутку хотела! Несеёзно!

- У нас, в Чалке-Каа, почти все начинают свой путь варвара как обычные соседские мальчишки. Но через пролитый пот они становятся настоящими мужчинами, варварами.

Порой, его эти странные пространственные речи она не понимала, но делала ставку на то, что она сама просто не слишком сообразительна, и потому просто голову не забивала.

- Но эти дети слишком малые. Они не готовы к такому. Их родители боятся, что суккуб может совратить их души.

- Да сколько монно - я не су!.. Подожди, подожди! Ты думаешь, я... с ними?! Нет! Исключено! Это недопустимо, не в моих правилах! И это будет неинтересно!

- Но ты же сама... Нууу...

- Я посто невысокая! И милая... И... - Девушка опустила взгляд, на грудь и... прочее. - Это совсем дугое! Я уйе взослая! Я - полуослик, это как всех их назвать детьми! Такой же блед! Ну, квоме самых сталых и пузатых... хоббитов. Или маленьких собак ссенятами!

- Просто подожди. Нам не так долго осталось. - Дней пять. Минимум. Насколько это можно считать долгим сроком или нет? - Эй, слушай. А что у тебя с глазами?

Да, пять дней - терпимо, но не в её состоянии - сложно было не замечать лиловый оттенок в её синих зрачках, и это продолжало прогрессировать.

- Болею я. Не видно?

Мужчина на козлах повернул голову, с удивлением вскидывая бровь, но это он ещё спокойно отреагировал - Барри же, зажав рукой нос, аж отпрыгнул назад. Слыхивал он про всякие там демонические болезни, насылаемые на его друзей-варваров, после которых на мужественных чреслах росли всякие шишки и язвочки, и их приходилось после этого отмачивать в волчьей крови и травяных настоях. Шаос такая реакция естественно обидела, но в ответ она лишь хмыкнула, да невесело улыбнулась.

- Не бойся, не зазно.

Он убрал с лица руку, но так и остался идти на некотором отдалении от... ну, подруги? Пожалуй, только Барри мог назвать своих соратников этим словом, но, как друг, он бы мог ей доверять побольше.

- А я сазу говойила, то не могу ехать. Ладно! - Она привстала на локтях... и слегка так выгнула спину, чтобы залипшему на их разговор извозчику было интереснее за этим наблюдать. Мужчина даже из ступора вышел и снова уставился на дорогу, поглядывая уже лишь краем глаза. - Дня два ессё подежжусь.

- А что будет потом?

Она пожала плечами.

- Ессё подежжусь? От этого не умирают.

- А это как-то лечится?

- Ааа-ага! Тёплой постелью, любовью и заботой.

На лице её появилась мечтательная улыбка. Она представила себе, как вернётся уже наконец-то домой, как ей будет тепло, но не жарко, а в голове - лёгкая пустота и безмятежность... И тогда мягкая постель примет на себя тяжесть её тела... Но мечтами этими она добилась лишь того, что её взор застлала чуть ли не осязаемые клубы дыма. Такого нежного, розового дыма. И она извернулась, припадая к доскам спиной, нисколько не заботясь о том, насколько это удобно с её крыльями.

- Я позову Бриль. Она же жрица. Они умеют лечить болезни!

- И она мне тосно не по-мо-йет! А тепей давай, пуй-пуй отсюда, мне надо отдохнуть!

А теперь вопрос. Насколько высокой была вероятность того, что Барри не расскажет об этом Брилли? Около нуля. Но достаточно высокой, чтобы Шаос, во время следующего привала, переползла к тому мужику и, положив ему на колени голову, что-то там в полубреду кряхтела, пока он поглаживал её по бедру и пил незамысловатую водку.

- Барри... И для этого ты меня привёл? Чтобы я увидела, как она собирается отсосать у какого-то пьяницы?

- Д-да не, госпожа, вы тут не подумайте, я... всего лишь глоток выпил, честно говорю!

Шаос лупала на неё глазами, уже не зная, нужно ли ей как-то оправдываться или нет. Она сейчас делала что-то плохое, что не могло понравиться этой эльфийке? И с каких вообще пор её это начало заботить? А потому, она наоборот, лишь обняла мужчину за пояс, прижимаясь щекой к тому, что могло оказаться ещё одной бутылкой у него в кармане. Или - оказаться не бутылкой.

- Да вы только гляньте - никакого стыда! Идешь тут, ради неё, а она?!

Эльфийка просто сдёрнула её за ногу с сиденья и было неважно, держалась она там за что-то своими лапками или нет. Она поставила млеющую полурослицу перед собой и так же беспардонно задрала её голову вверх, чтобы можно было оттянуть ей веко и заглянуть в глаза. При этом извозчик в самом начале этого представления по добру да поздорову решил убраться, забирая с собой бутылку, в которой не хватало всё-таки больше, чем всего лишь глотка. Вот не нужны ему были проблемы, чтобы она потом всем о нём рассказала!

- У неё жар, а что с этими... - Шаос смотрела на Брилли маленьким, обиженным волчонком. - Я не разбираюсь в дамианской анатомии и понятия не имею, как устроены их глаза. Жить будешь?

- Буду! - Выкрикнула девушка, задом, задом виляя, лишь бы вырвать руку из холодной хватки Брилли.

- А её можно вылечить, твоей магией?

- Барри, ты серьёзно? Лечить жреческой магией подобное отродье? Пусть сидит. Или само пройдёт, или - её проблемы. Она же нам не говорит, что с ней такое. Да, Лиза?

Её окрысившийся взгляд скосился под телегу... и испуганно округлился, когда она там увидела того пса. Он ждал её, с тупой своей мордой и свешенным языком. Невольно она, но закрыла рукой ухо, которое до сих пор казалось, что было заложено.

- И впредь, я надеюсь, что меня с пустяками беспокоить не станут?

Шаос отпустили, и она сразу же залезла вверх по спицам колеса, становясь на его обод. Чтобы быть подальше от земли, где её уже ждали. Да и почему в ухо-то?! Что с ним было не так, чем не угодил её рот?!

А когда Бриллиль ушла достаточно далеко, чтобы не слышать её, с недовольством поинтересовалась у Барри:

- Ну затем ты ей всё лассказал?

- Вот дерьмо, я извиняюсь, Шаос. - Вот опять он, опять! - Я не мог поступить иначе. Я хочу хоть как-то помочь тебе!

- Глахнешь меня? Так Бйилль и на тебя будет обийена, мне не так одной достанется!

- Ну зачем, зачем ты опять за старое! Я же по-дружески пытаюсь тебе помочь, а ты?! Эх... Правильно Бриллиль говорит - тебе надо быть серьёзнее.

- Даа-да... Сеёзной, и всё такое... Слушай, а ты хоть лаз плобовал сто-нибудь, ну... в глудь... в смысле, в сам сосок засовывать?..

- В смысле, кольцо? У нас, в Чалке-Каа, многие так делают. Я и сам как-то ходил так, но пока я спал, его украли хитрые неудачники.

- Да нет! В сам! Ну, палец там... Не увейена, сто это слаботает там, с... Бйилль, напйимел, но, к-кхем, у меня тут немного всё слегка по-длугому!.. - И она натурально начала задирать платье, чтобы показать ему свою грудь - но устоять на колесе, не держась за телегу руками, она не смогла, и выпустила ткань из рук. - У меня тут всё снятяла в одну дыочку сходится, и если посталаться...

Она хотела объяснить ему что-то о небольшой анатомической особенности своих молочных желёз, позволяющих внедрять в них объекты довольно крупных размеров и даже осуществлять тем самым секс...

- Шаос, фу-фу-фу, хватит!

- Всего лишь палец! Я же не плошу!.. Не, ну если хочешь, мойес и не палец! Ты большой, но я обессяю, ты влезешь! Ты только не облассяй внимание, если я блыкаться натъну! И пихай в столону подмыски, или... ну, зывота!

Варвар уже весь морщился и поджимал губы, чуть ли не на цыпочках выплясывая в поисках направления, куда ему бежать.

- Но мойешь куда угодно! Плавда, это совсем не беда!!

Её порядком пыльные ботиночки коснулись земли, когда она соскочила с колеса и с вытянутыми руками бросилась к мужчине... но растянулась на своих ватных, вялых ногах, вспарывая носом слой укатанной земли.

- Тебе нужно остыть. Успокойся!

Этот срыв испугал героя-варвара, и он, пока девушка не встала и не учудила ещё что-нибудь в этом духе, убрался восвояси. Бросить навещать её он не собирался, но теперь и сам уже считал, что она опасна для общества, с этими её нападками. Так и осталась Шаос вновь одна... одна с тем псом, осторожно, крадучись подбирающимся сзади.

И тогда она дала ему больше выбора. В этот момент Шаос была готова пустить всё на волю случая, а потому встала на четвереньки, предлагая оседлать себя по-настоящему, если он этим заинтересуется...

Но с псом точно было что-то не так.

Процессия неторопливо шла вперёд, со скоростью самого медленного её участника, который проявлял столько гордости, чтобы не хотеть быть обузой, проделывая путь, сидя на чьей-то телеге, из-за чего для всех становился обузой ещё большей. Иногда возникало чувство, что она была такой же неподвижной, как и солнце в небе. Но время, хоть и медленно, но всё же шло. Можно сказать - ползло. Как и некоторая полукровка, что беспокойно ползала взад и вперёд по повозке. Порой пытаясь зарыться под ткань, укрывавшую груз, а то - залезая на козлы, к извозчику. Один раз, она у него всё же отсосала, всерьёз. Он был не против, а ей, с наполненным кабы не на лишние пол-литра желудком, и не чем либо, а...

Короче, у неё получилось крепко заснуть. И проспала она так почти два часа, пока её не разбудил Барри. Юноша был очень взволнован, но взволнован по-хорошему.

- Суккуб? - переспросила Шаос, снимая с лица прилипшие на прозрачной корочке волосы.

Извозчик оглянулся назад, на девушку, что свесилась через борт так, что видел он сейчас только её зад, да задранный хвост. Он тихо хмыкнул - влажное бельё забавно прилипло к её пухлой киске.

- Да. - Повторил лучащийся надеждой Барри. - Теперь ты не одна тут такая. Может быть, тебя простят? Её хорошо приняли.

- Я... - Девушка начала метаться по повозке, карабкаясь по грудам проминающихся под её

коленими тюков, пробираясь к заднему борту. – Да, надо... Там пса того не видно? Я... Дай спуститься! Ну!..

Барвар сложил руки за спиной, когда дамианка потянулась к нему. Шаос обиженно надула щёку.

- Ну, ссади меня, хотя бы! А то я упаду!

- Ты же знаешь, Шаос! Меня смущает это. И ты опять начнёшь уговаривать тебя оттрахать!

- Эй, малышка! – Окликнул её извозчик, всё никак не сводивший с этой аппетитно пухлой попы взгляд. И залихватски так, чтобы всегда можно было списать это на шутку, сказал: – Если тебе и с этим нужно помочь – можешь на меня рассчитывать, ха!

- Бйилль тода меня убьёт. – Сказала она и опёрлась о борт, думая, как бы ей слезть прямо на ходу... и чтобы в этот момент рядом не оказалось того чрезмерно доставучего пса. – А его – плостит!

Фыркнув на лошадей, мужчина замедлил повозку, из-за чего и следом идущая за ними тоже начала останавливаться, и у Шаос получилось спрыгнуть на землю, хоть и приложившись пузом, но хотя бы не попав под конские копыта. Отряхиваясь, она по пути склонилась перед извозчиком в поклоне, и побежала в сторону головы сей процессии. Барри отправился следом, лишь слегка ускорив свой шаг, чтобы не отставать от неё. Чрезмерно верный пёс всё так же неоступно преследовал её из тени.

- Как ты, вообще?

- Ай! – Махнула она рукой – и споткнулась, потому что не с её грацией было тереть себе глаза на бегу. – Воде ноймально. Дейжусь!

- То есть, они держали тебя в клетке? А всех... - Тактично спрашивала её некая женщина, одна из главных.

- Да! – Не сдерживая слёзы, ответила ей где-то так лет тридцати на вид женщина в простом, но грязном и рваном до дыр платье. Её босые ноги, перепачканные грязью, исцарапанные, свисали с опущенного борта телеги. Кто-то сердобольный подал ей платок, и она, скомкав его трясущимися руками, прижала к отрывисто подрагивающей груди. – Это было ужасно. Они вырезали всех, до единого! Каждого старика, каждого ребёнка. Девушек насиловали. Насиловали и убивали. Выжила лишь я, потому что я... я была самой сговорчивой! Я не сопротивлялась... но какие же ужасные вещи они со мной вытворяли!

- Тише, тише. Всё уже кончилось. - Пытались успокоить её, но эти слова не принесли результата, и женщина начала громко, навзрыд плакать, вытирая скомканным платком глаза.

Деревню, где она жила, сожгли и поголовно вырезали какие-то бандиты. Саму её взяли в плен и предавали насилию, но ей удалось сбежать. И волею счастливого случая, выбежав на дорогу, она наткнулась на эту процессию. В то время, когда Шаос спала себе в задних рядах и даже понятия не имела о случившемся.

- Успокойся, успокойся...

Были тут все. Не могли присутствовать лишь те люди, что вели в это время повозки. И Брилли, и Дурин брели среди толпы, выслушивая эти рассказы. Эльфийка до подрагивающих желвак стискивала зубы, испытывая ненависть по отношению ко всему мужскому полу на всей этой брешней земле. Дети удивлённо поднимали головы, смотря на лица родителей - они ещё не понимали, что случилось с этой «рогатой тётей».

Она была дамианкой. Суккубом. Грязной и оборванной, но, как и все они, вполне презентабельной женщиной. Но вот рога её... Длинные, перекрученные в пару оборотов вдоль своей оси, они некрасиво торчали из её сокрытого растрёпанными чёрными волосами лба, сильно подаваясь вперёд. На животе ей спать, видимо, непросто, а лечь лицом на подушку - так и вообще не представляется возможным. С рогами этой очень не повезло, максимум - тянули на какой-нибудь «В» класс, если не «Г». Они даже симметричными не были! Но вот крылья... Вот тут Шаос испытала приступ зависти. Крылья были шикарные. Большие, грациозные. На таких, она была готова поспорить, можно было и плавно парить с крыш! Не в пример её декоративным крылышкам, которые только усложняют выбор одежды, а единственная польза, которую они несут - это то, что за них можно хвататься, когда её берут по-собачьи. Но для этого подходят и рога, благо, с её ростом тянуться за ними было недалеко.

Ах, да. И всю эту историю про похищение она выслушивала с нескрываемым пренебрежением. Суккубочка жалуется на то, что её, бедную, взяли в плен, а её мирную деревушку, где она себе пасла овец, всю вырезали. Какая душещипательная история!.. Прямо классика жанра. Так она ей и поверила!

Хотя оно, конечно, могло случиться на самом деле... Вот вдруг она - та самая, единственная на свете честная суккуба?.. На какое-то время, но Шаос даже засомневалась, что только что могла плохо думать о человеке, которому и так несладко пришлось... Но когда их взгляды на мгновение пересеклись - полуполурослица криво ухмыльнулась.

«Ну да, ну да!» - мысленно проговорила себе Шаос, поочерёдно надавливая на глаза запястьем. Кто бы сомневался!

- Эй, а кто сюда эту пустил?!

- А ну пошла вон отсюда, распутница!

- Вернись в свой загон, бестия!

Да, и их о ней мнение, несмотря на то, как тепло они приняли эту плаксивую суккубочку, не поменялось. И фыркая себе под нос, поняв, что не заслуживает эта брехливая дамочка больше ни грамма её внимания, ушла прочь, взмахивая напоследок хвостом и демонстрируя своё бельё с вишенками.

Пусть сами с ней сидят, хоть пятки ей лижут, если захотят. Долбаные суккубы... не в обиду Госпоже!

Время снова тянулось. Час пути - перерыв. Час пути - перерыв... Стараясь лишний раз не слезать со своей телеги, ибо тот пёс всё время был где-то рядом и при любой возможности закидывал ей на плечи лапы, Шаос изнывала от жара и грызла высушенный до состояния подошвы кусок мяса, чтобы хоть как-то отвлечься. То и дело, её воспалённые, клубящиеся алым дымком глаза сосредотачивались на спине извозчика. Возможно, и не нужны ей все эти путешествия? Не годится она для этого. Она - оседлый тип, как бы не самое дно этого типа! Сидела бы себе в трактире спокойно, носила выпивку, всех бы доставала...

- А ты видела ту новенькую?

- Хм?.. - Хмыкнула дамианка.

- Она же из таких, как ты. Суккубка. - Извозчик усмехнулся. - Только с сиськами, хехе. Да уж, нелегко ей досталось в жизни.

- Ой, да успокойся! Вейить суккубу?! Смех да и только!

- Что же ты жестоко так с ней?

- Суккубам нельзя вейить. Вот я-то знаю! - Она подняла над собой погрызенный, но так и не сданный кусок мяса.

Караван съехал на обочину и остановился. Второй день их поездки завершился - и пришло время уходить на ночлег. Люди начали разжигать костры, готовить котелки и продукты. Извозчик помог Шаос слезть, но на землю сразу ставить не стал. Так же, как и она не торопилась отпускать его шею. Держа её у себя на локте, вот прямо так, чтобы придерживать её под горячую попу, он одной рукой перевязал коней, чтобы они могли свободно пощипать травку, установил под колесо колодку, снял свои пожитки.

- Ты же тут будешь, да? - Спросил он, поднимая короткую девчонку перед собой, чтоб во весь рост хорошенько её рассмотреть. И даже заглянул на неё из-под низу, под платье.

- Да, они влажные! И липкие! Но меня саму это вконец достало. Давай, отпусти меня, ну! Мне надо переодеться! Буйешь смолтеть?

- Я бы остался, но друганы меня ждут. Слушай, а Мария той ещё красавицей оказалась, когда переделась и привела себя в порядок. У нас там небольшое застолье намечается, в честь знакомства.

- Кто? Майия? Какая Майия?

- Та девушка, дамианка. Не поприсутствуешь? Вы же с ней одной расы, может быть, ты сможешь одержать ей поддержку?

- Меня не пускают. Говоят, я плохо на всех влияю! - Закатила девушка глаза в высшей степени притворства - и улыбнулась. - Еунда! Сё авно мне сейшас лушше дежаться от людей подайше.

Кто бы сомневался. И этот уши развесил, поддался магии длинных ног, чёрных локонов, тёмных глаз и душещипательных историй. И всё равно, Шаос его не отпустит. Маленькое пари, заключённое в одностороннем порядке. Он - её добыча. Пусть он и какой-то там мало кому нужный худощавый выпивоха в сорок лет отроду, но она поборется за него.

- Эй, ну ты идёшь? - Из вечернего полумрака окликнул друга другой извозчик, что вёл телегу со свиньями. - Кстати, во! Девчонка, ты тоже можешь пойти. Сегодня все приглашены, даже ты. Ну, ты там и устроила этот фокус, что на тебя все бабы взъелись! Идём уже! Там Мария обещала рассказать о том, как она сбежала!

Ну надо же... Лично пригласили, что ли? Раз так, она согласна. Ещё раз посмотрит на эту Марию. Как она тут устроилась.

Барри крутил на вертеле баранью тушу, взад-вперёд сновали женщины, готовили пищу. Резали салаты, варили наваристые супы и жарили в масле картоху. В воздухе витали приятные запахи. Здесь и в самом деле намечалось крупное такое застолье, как бы не пир целый! Молотки стучали по бочонкам с пивом, вколачивая в них медные краны. Наполнялись кружки, мужчины запевали песни. А на телеге, где совсем недавно ехала она, теперь сидела Мария. Свесив с неё босые ноги и с грустными, слезливыми глазами окидывая всю эту суету.

Шаос почувствовала беспокойство. Оторванная ото всех, она и не знала, насколько здесь всё стало плохо. В то время, как её и в х*й собачий не ставили, то эту дамианку, такую же нечистую породу, как и она, едва ли не на руках готовы были носить!..

Хотя, её саму только что в прямом смысле на руках носили... но это - другое. Она - компактная, как кукла, и это просто забавно. Эта же суккуба как бы не раза в три тяжелее неё была!..

Кстати, а можно это считать за маленькую победу?..

- Пришла... - Начали шептаться люди. И Шаос повела глазом в сторону голоса, по ходу неосознанно замечая крохотный огонёк в отдалении - Дурин сидел на корточках, в одиночестве, и курил. Вид его был особенно хмурым.

- О, Шаос! Ты пришла! - Мария низко склонила голову, в благочестивом жесте складывая на груди руки, будто ей только что оказали великую честь. - Проходи. Я ждала тебя! Не нужно больше прятаться, эти люди простили тебя.

Если и простили - то не все. Часть людей всё же пырилась на неё сердитым, недовольным взглядом, но правом большинства было решено позволить ей присутствовать.

- Присаживайся. - К ней подошла Бриль и взяла за руку, чтобы проводить к огню, ко всем.

- Да, присаживайся, прошу! - Мария раскрыла руки, приглашая в свои объятия...

Шаос с силой сжала веки. Её глаза не были в порядке, но серьёзно, какими же болванами нужно быть, чтобы не замечать всей этой фальши?! Женщины, что совсем недавно гнобили её, называли шалавой, сейчас на носочках бегали, таская различные блюда. Мужчины едва ли не с открытыми ртами пялились на эту черноволосую суккубу. Дети? Мальчишки постарше тоже поддались этим чарам, девочки же и совсем малыши непонимающе крутили головами. Они не знали, что случилось с их родителями и почему эта «тётя» им так нравилась.

Эта суккуба была сильна. Очень сильна, раз смогла обворожить столько людей за каких-то полдня. Но рога её - определённо категории «Г». Возможно, худшие из всех, что когда-либо видела Шаос. До её «А», чуть ли не с фирменной подписью Госпожи, ей было далеко, как до самого солнца.

- Пусти! - Резко сказала Шаос, разворачиваясь и выдёргивая руку из пальцев не ожидавшей такой реакции жрицы.

Вот же болваны! Она тут старается по-людски себя вести, не травмировать чьи-то тонкие чувства, так её всё равно, за один только проступок прогнали, а суккубу, что морочит им всем головы, готовы в жопу целовать! Пусть тут занимаются, чем хотят. Устроят оргию? В добрый путь! Или чего именно она всем этим добивалась? Потешить самолюбие? Ей это было неинтересно!

- А, забыла... Вот тебе, Майя! На! - Вслед за собой, в качестве прощального жеста, она выставила средний палец, чтобы показать, какого она обо всех здесь мнения.

Достало. Пора было со всем этим кончать. Сегодня же «исцелится» от своей «болезни», и если кто-то хоть слово скажет - будет послан на х*й снова. Прошло время добренькой послушной Шаос!

<http://tl.rulate.ru/book/408/8371>